

4. Указ от 9 марта 1892 гг. «О введении судебной реформы в полном объеме в губерниях Оренбургской и Уфимской», ст. 3 // ПСЗ-3. Т. 12. № 43017.

5. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 11. Оп. 5. Д. 57.

6. ГАОО. Ф. 11. Оп. 5. Д. 63.

7. Мацузато К. Управляя пространством // Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность. Сводные материалы заочной дискуссии / под ред. А.Е. Загребина, С.В. Любичанковского. Екатеринбург-Ижевск: Изд-во УрО РАН, 2010. 496 с.

8. ГАОО. Ф. 11. Оп. 5. Д. 58.

9. Сборник узаконений и. распоряжений по тюремной части / сост. Т.М. Лопато. Пермь: Губ. типография, 1903. 120 с.

10. Пирогов П.П. Пенитенциарная политика Российской империи XIX – начала XX века и ее влияние на принципы комплектования, штатной расстановки и прохождения службы в тюремном ведомстве // История государства и права. 2003. № 3. С. 9–13.

11. Любичанковский С.В. Губернская администрация и проблема кризиса власти в поздней имперской России (на материалах Урала, 1892–1914) / Поволжский филиал Института российской истории РАН. Самара-Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2007. 750 с.

12. Министерство юстиции. Список чинов тюремного ведомства. СПб.: Право, 1908. 1421 с.

13. Соломон А.П. Тюремное дело в России. СПб.: Право, 1898. 168 с.

1890TH PRISON REFORM IMPLEMENTATION IN THE ORENBURG GOVERNORATE

© 2016

S.V. Lyubichankovskiy, doctor of historical sciences, professor, head of the Chair of History of Russia
Orenburg State Pedagogical University, Orenburg (Russia)

Abstract. This paper is about an implementation process of the 1890 law in the Orenburg province for organization of new regional structures of penitentiary management – provincial prison inspection and prison department of provincial board. Specifics of prison reform implementation in the region, the relation of the governor's power to emergence of new bureaucratic structures, features of interaction between the created governing bodies are considered as well as the place taken by representatives of prison administration in regional bureaucratic community after the reform implementation is determined. The conclusion is drawn that implementation of the 1890 law took place in the Orenburg province with essential regional features. Orenburg provincial inspection has been created later (1894) than in the Russian Empire in general because of prolonged implementation of judicial reform (1864) on the territory of the region. However this inspection became more influential than similar organizations in other regions of the Russian Empire as it has subordinated the prison department of the Orenburg provincial board and accumulated all main competences of the sphere of prison case. The status of the Orenburg provincial prison inspector was almost equal to the status of the vice-governor.

Keywords: post-reform Russia; Russian statehood; provincial prison inspection; prison office of provincial board; Orenburg region; efficiency; modernization; prison reform; prison inspector; bureaucratic community; governor's power.

УДК 9(с)2 (470.56):34С1(470.56) М56

ОСОБЕННОСТИ МОДЕРНИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

© 2016

А.В. Мещеряков, педагог дополнительного образования
Центр детского творчества Промышленного района г. Оренбурга, Оренбург (Россия)

Аннотация. В данной статье рассмотрены особенности модернизационного развития Оренбургского казачьего войска на рубеже XIX–XX вв. В ходе рассмотрения данной проблемы выделены основные проблемы, которые влияли на модернизацию в войске. К ним относилось тяжелое экономическое положение, вследствие чего возникали проблемы с медицинским обеспечением. Другая важная проблема, рассмотренная в статье – это вопрос о введении земства. Рассмотрен важнейший вопрос о передачи земли в вечное пользование казачьим войскам, право, которое подтвердило особое положение казаков в системе государственного управления, но еще раз подтвердило традиционность в модернизационном развитии. Исследование подтвердило, что Оренбургское казачье войско на рубеже веков, было четко включено в структуру государственного управления, причем органы управления казачьих войск считались правительственными учреждениями. Казачество реформировалось согласно общей идее модернизационных процессов, проходивших в Российской империи. Однако применялись они не по шаблону, а имело свою специфику. Вызвано это было несколькими причинами: особой системой управления, ролью казачества внутри империи, традиционным укладом жизни казаков. Поэтому каждая реформа имела свои особенности, а некоторые так и не были реализованы, что перед самым началом Первой мировой войны и отличало казачьи регионы от остальной части империи.

Ключевые слова: модернизационный подход; Оренбургское казачье войско; Оренбургская губерния; общий войсковой капитал; главное управление казачьих войск; система управления; военный совет; военное министерство; Государственный совет; земство; генерал-губернатор; наказной атаман.

Модернизационный подход в настоящее время является одним из актуальных направлений в исторической науке. Исследователи выделяют несколько моделей модернизационного развития. К ним относятся линейная модель (представители У. Ростоу, М. Леви, Д. Лернер), модель многолинейной модернизации (представители А. Турен, В. Цапф, П. Штомпка), акторная модель (Т. Пириайнен) [1, с. 1] и парциальная частичная модернизация. (А.Д. Богатуров, А.В. Виноградов) [2]. Для нашего исследования в наибольшей степени подойдет последняя модель, т.к. она предполагает возможность «застывания» некоторых обществ на стадии «частичной» модернизации. В развитии такого общества предполагалось близкое соединение традиционных и модернизационных элементов. По мнению И.В. Побережникова в Уральском регионе в авангарде традиционности стояло как раз и стояло казачество [3, с. 297]. Поэтому все модернизационные веяния, направленные на превращение Оренбургского края из окраины во внутреннюю периферию, а затем и центра (одинакового с центром уровня жизни, законов и т.д.) сталкивались с интересами и особым положением казачьих войск. Конечно, для казачества были характерны многие черты немодернизированного общества. Такими были: 1) изолированность, замкнутость, отделение жизни; 2) высокий уровень самообеспеченности; 3) акцент в сфере социальных отношений и культурных норм на традицию и религиозные нормы, ориентация на прошлое 4) господство традиции над инновацией; 5) авторитарный характер власти; 6) неразвитость денежного обмена и рынка. Однако с началом Великих реформ модернизация проникает и в казачьи районы, но со своими особенностями. Поэтому изучение модернизационных процессов на территории Оренбургского казачьего войска становятся особенно актуально.

В отечественной историографии модернизационным развитием занимается И.В. Побережников, на фоне общей модернизации в Уральском регионе, он затрагивал и особенности развития казачества, как самого главного элемента традиционности. Однако особое внимание он уделит Уральскому казачьему войску, которое все-таки отличалось от Оренбургского и традициями, и культурой. Е.В. Банниковой модернизационный подход взят за основу при изучении купечества в уральских губерниях [1]. Так же С.В. Любичанковский затрагивал проблему модернизации в государственном аппарате [4]. Однако целенаправленных исследований особенностей модернизации по отношению к казачеству никто не проводил.

Целью статьи является выявление особенностей модернизационного развития Оренбургского казачьего войска на рубеже XIX–XX вв.

Рубеж XIX–XX вв. для Российской империи стал переломным периодом ее истории. С конца XIX в. начинаются модернизационные преобразования, которые носили противоречивый характер. С одной стороны, Российская империя вступила в период бурного экономического развития, что требовало от правительства гибкой политики. С другой стороны, сохранялось государственное устройство во главе с абсолютным монархом и раздутым, неповоротливым административным аппаратом, которое шло на изменения лишь под социальным давлением.

Политика по отношению к казачеству так же имела противоречивый характер. И противоречия эти складывались внутри правительства, а точнее в разном отношении к проблемам казачества различных министерств. В одном они были схожи, казачество должно было стать частью империи, как в законодательном, так и в социальном плане, не отменяя его главную функцию – службу Царю и Отечеству.

Главной проблемой, которая была перед правительством – совершенно неудовлетворительное положение войскового капитала Оренбургского казачьего войска (далее ОКВ). Причем кризис войскового капитала носил затяжной характер. Еще в 1875 г. в отчете Главного управления иррегулярных войск отмечалось значительное уменьшение войсковых капиталов вследствие недостатка сметных доходов на покрытие сметных расходов [5, с. 20]. Как отмечалось выше, в период с 1881 по 1894 гг. войсковой капитал ОКВ уменьшился на 400 тыс. руб. В начале XX в. расходы превысили доходы в 1905 г. на 109298 руб., а в 1909 г. 317209 руб. [6, с. 334] Вследствие чего к 1911 г. Войсковой капитал сократился еще на 183350 руб. [7, с. 28].

Для того что бы поддержать войсковой капитал государство выдавало субсидии из казны. Уже в 1874 г. было передано 182564 руб. [5, с. 17] С 1 января 1896 г. в течение 6 лет из казны выдавалось по 115000 руб. в год [8, л. 1].

С началом XX в. экономическое положение ОКВ не улучшилось. Об этом говорил генерал-майор Рихтер на заседании временной комиссии при Главном управлении казачьих войск (далее ГУКВ), проходившей в 1901 г., где обсуждался вопрос об уменьшении тяжести воинской повинности в действующих и льготных частях казачьих войск. Речь шла о выдаче пособия в размере 100 руб. каждому казаку для покупки лошади при выходе на службу. Общий расход должен был составить 170000 руб. Генерал-майор Рихтер, выступая с докладом, отмечал невозможность для ОКВ таких расходов, так как внутренних ресурсов не было, а пополнить капитал за счет казны не давало министерство финансов, которое отказывало в выплате компенсации за винную монополию. Объяснялось это относительной многоземельностью ОКВ [9, с. 6]. Правда, вопрос был пересмотрен и с 1904 г. из казны все-таки стали выделяться средства на лошадей по 50 руб. для каждого казака, выходящего на службу [10, л. 4].

Второй проблемой, которой опасался генерал-майор Рихтер, было окончание в 1901 г. выплаты пособия от казны в размере 115000 руб. в год на содержание внутренних учреждений, а это означало, что эти расходы будут отнесены на войсковой капитал [9, с. 6].

Опасения оказались не напрасными, и перед войском действительно встала эта проблема. В 1901 г. Военный совет попросил продолжить выдавать данное пособие с 1 января 1902 г. еще сроком на 5 лет. Однако в различных ведомствах существовал различный подход. Так, министр финансов и государственный контролер настаивали на отмене пособия ОКВ, а финансовое положение предлагалось улучшить путем более рационального использования войсковых арендных статей. Военный же министр пытался отстоять пособие для войска [8, л. 1].

Для решения этого вопроса была создана особая комиссия из представителей министерства финансов, государственного контролера, бывшего министра земледелия и государственных имуществ и представителей войска.

Комиссия выехала в г. Оренбург и работала с декабря 1903 г. по март 1905 г., но так к определенному выводу и не пришла. Связано это было с тем, что в комиссии сложилось два лагеря. Первый – состоял из представителей ОКВ. Они отмечали, что расходы войска растут, а доходы не только не увеличатся, но и будут уменьшаться. Второй лагерь состоял из представителей трех ведомств. По их подсчетам доходность войскового капитала можно было повысить на 439000 руб. Учитывая, что дефицит бюджета с 1902 по 1906 г. составлял 70841 руб. ежегодно и общий капитал к 1 января 1902 г. составлял 1500000 руб., то данное войско в пособии не нуждалось [8, л. 28об.].

Однако методы, предложенные министерством финансов и государственным контролером, либо противоречили законодательству, либо казачьему укладу. Поэтому Совет министров постановил Военному министру внести на утверждение в Государственную Думу представление об отпуске общему войсковому капиталу ОКВ пособия из сумм государственного казначейства по 115000 руб. в год [8, л. 44]. После утверждения пособия, оно вновь выплачивалось войску в период с 1909 по 1913 г.

Однако перед началом войны в отличие от многих регионов империи, которые переживали экономический бум, в ОКВ накапливалось все больше проблем. После постигшего ОКВ неурожая в 1911 г. в некоторых станицах 2-го и 3-го отделов в 1912 г. вновь оказался недород хлебов, вследствие чего в поселке Вернинском Великопетровской станицы из-за недоедания даже распространилась цинга. На ликвидацию последствий неурожая требовалось 71571 руб., которые как экстренная мера, с разрешения Военного совета, были выданы из пожарного капитала. Понимая, что Войсковой капитал находится в крайне неудовлетворительном состоянии, Государственный совет просил Государственную думу выделить эти деньги из казны, для возврата их в пожарный капитал [11, л. 10 об.].

Помимо этого, в смете на 1913 г. сохранялся огромный дефицит в размере 141186 руб. Для его ликвидации Военный совет запросил для ОКВ единовременное безвозвратное пособие. Но вновь против выступили Министр финансов и Государственный контролер. Они настаивали на выдаче войску от государства ссуды на льготных условиях. Объясняя это тем, что полученные пособия от государства повлекут за собой незаинтересованность войскового начальства в развитии войска [12, л. 2]. На этот раз верх одержали доводы Министерства финансов, и в Государственную думу был отправлен законопроект о выдаче ОКВ ссуды, а не безвозвратного пособия.

К 1913 г. опять возникла проблема в помощи ходившим на службу казакам. Пятьдесят руб., которые выплачивались войском, были явно недостаточными. Требовалось повысить это пособие до 100 руб. На что требовалось бы еще 75000 руб. в год. В связи с ужасающим экономическим положением в войске, они были запрошены из казны, на что был получен

ответ об отнесении этих денег на общевоинской капитал [10, л. 4].

Тяжелое экономическое положение войскового капитала не позволяло развивать одну из важнейших социальных отраслей – медицину. В Отчете за 1908 г. войсковое начальство признает, что медицинское обеспечение в ОКВ находится в плачевном состоянии и не может удовлетворить потребности населения.

Следует отметить, что проблема с медицинским обеспечением была на территории всей Российской империи. Россия в Европе стояла на первом месте по показателям инфекционных заболеваний и смертности от нее [13, с. 81]. К тому же на территории самой империи сохранялось различие в медицинском обеспечении. В Европейской России оно было поставлено несколько лучше [14].

Если сравнивать положение казаков и крестьянское население Оренбургской губернии, то оно было схожим. Отличался только г. Оренбург, где было несколько больниц и работало около 20 врачей [15, с. 4]. Не сильно отличалось и положение в соседней Уфимской губернии. Различием стало, то, что там с 1875 г. было введено земство. Это, несомненно, повысило результаты в сфере лечебной медицины. Однако Уфимская губерния – по ряду показателей была в числе отстающих. Причины этого кроются в социально-экономическом развитии региона и в социокультурных особенностях населения губернии [16, с. 34].

В лучшем положении оказалась Казанская губерния. Если в 1866 г. положение было схожим с Оренбургским краем (на 1470345 человек приходилось всего 4 врача и 46 фельдшеров), то с работой земства эти показатели существенно изменились, так в 1881 г. на одного врача приходилось 57513 человек, в 1890 г. – 49144 человек, в 1901 г. – 35168 человек [17, с. 126]. Конечно, это были не идеальные показатели, и врачей явно было недостаточно. Но по сравнению с Оренбургским казачьим войском положение было на порядок лучше. Для сравнения в 1908 г. в ОКВ в 1-м отделе на 1 врача приходилось 58738 человек, во 2-м отделе – 61511 человек, в 3-м 51481 человек [18, с. 69]. Расходы на медицинское обеспечение, так же говорило за земство Казанской губернии. В 1901 г. на земскую медицину было израсходовано – 717 тыс. руб. На душу населения в Казанской губернии на народное здравоохранение расходовалась в 1871 г. – 4 коп., в 1880 г. – 10 коп., в 1890 г. – 20 коп., 1901 г. – 28 коп. [19, с. 3]. В Оренбургском войске в 1908 г. на медицину было израсходовано 60990 руб., что составляло по 67 коп. на каждого лечившегося и по 12 коп. на каждую душу войскового сословия [18, с. 69]. Причем Казанская губерния по затратам на здравоохранение занимала 13-место из 34 губерний, где существовало земство и не было в числе отстающих по этому показателю.

Таким образом, не смотря на множество проблем, развитие медицины говорило в пользу земских учреждений, передовых в этом плане губерний, а не войскового административного управления, которое в ОКВ заменяло земство.

Вследствие этого вновь появляется идея создания земства в Оренбургской губернии. Причем вопрос этот уже рассматривался ранее. В 1860-е гг. Орен-

бургский и Самарский генерал-губернатор Н.А. Крыжановский видел в этом решение хозяйственных проблем в войске. Однако уже в 1879 г. Оренбургский губернатор и Наказной атаман ОКВ генерал-майор В.И. Ершов выступил против объединения гражданской и казачьей территории в одно земское хозяйство [20, с. 62]. Причин для этого было множество, различная ведомственная подчиненность территорий в хозяйственном отношении, опасения казаков потерять свои привилегии, а правительства – растворить казачью общину в общей массе населения. Между тем, функцию земства выполняла казачья община, обеспечивая, например, достаточно высокий уровень грамотности населения на 1916 г. составлял 72,9% среди мужчин и 48,6% среди женщин [20, с. 62]. Данный показатель был первым среди всех казачьих войск. Да и среди населения всей империи он был очень высоким. Ряд ученых оценивают грамотность населения России к 1915 г. в 35–38%, причем только применительно к Европейской части, в Сибири же и в Средней Азии 12,4% и 3,3% соответственно [21, с. 84].

В 1913 г. на территории Оренбургской губернии земство все же было введено. Однако Положение о земских учреждениях исключало земли ОКВ из пределов губернии [6, с. 331]. Такое обособление казачьего войска в отношении земского управления от губернии вызывалось несколькими факторами. Во-первых, размер земель был не в пользу казаков (соотношение 60,1% к 39,6% у казачьего населения), а по численности еще больше уступала гражданскому населению (соотношение 76,7% к 23,3%), что при создании земства на общих основаниях, повлекло бы возможность невойсковому сословию распоряжаться казачьим земским хозяйством. Во-вторых, опасение для правительства вызывало, то, что земские учреждения подчинялись МВД, а, следовательно, и казачество должно было подчиняться гражданским органам управления, а не военным. Это, по мнению правительства, могло повлиять на дух казачества и отразиться на его боеспособности [21, л. 2].

Тем не менее правительство не оставляло вопрос о введении земства для ОКВ. Был даже составлен проект по его реализации, в котором предусматривалось применить уже существующее положение, о земских учреждениях, с внесением изменений и дополнений, вызванные особенностями казачьего войска.

Одно из главных изменений относилось к ведомству, в которое входили земские учреждения. Так функции МВД переходили военному министру, функции совета министра внутренних дел – военному совету, губернатора – наказному атаману [21, л. 11].

Изменения касались и выборов в войсковое земское собрание. Согласно проекту, предполагалось выборы проводить по двум куриям. Первая от владельцев земли и недвижимого имущества, вторая от станичных обществ (сельских обществ на территории войска не было). Выборы от станичных обществ предлагалось сделать, не двухстепенными, как это действовало в выборе крестьянских гласных, а одноступенными, т.к. уже существовали станичные сборы и на них должны были выбираться гласные в земские собрания.

Для курии землевладельцев и владельцев недвижимого имущества не предполагалось искусственно-

го увеличения числа гласных, как например, в Оренбургской губернии. Это было вызвано несколькими причинами. Во-первых, большая часть частновладельческой земли принадлежала невойсковому сословию; во-вторых, в станичных обществах, были не только простые земледельцы, но и интеллигенция и чиновники; в-третьих, боязнь того, что станичные общества просто проигнорируют выборы в земства, если им не будет предоставлено преимущество [21, л. 9].

Множество проблем оставалось и в разграничении функций между губернским и войсковым земством. Сохранялись открытыми вопросы о дорожной повинности, об участии в расходах на потребности гражданского управления, источниках земских доходов. Все они должны были решиться по соглашению между губернским и войсковым земством.

Таким образом, разработанный проект введения земства в ОКВ отвечал интересам модернизационных процессов, но не предполагал слияния казачьего населения с гражданским. Введение земства носило явно прогрессивный характер, т.к. расходы на земское хозяйство от административных органов должно было перейти непосредственно к казачьему населению, которое и было заинтересовано в их распределении. Однако земское управление в ОКВ так и не было введено. Этому помешали и те причины, которые мы обозначили выше, и конечно же начавшаяся Первая мировая война, а также якобы само нежелание казаков введения земства в войске [6, с. 331]. Хотя, после Февральской революции в газетах прогрессивная часть казачества писала о том, что введение земства для ОКВ будет единственно правильным решением, для ликвидации проблем в хозяйственной жизни казаков [22].

Для того чтобы сгладить экономические проблемы в ОКВ, правительство пошло на передачу земель, находящихся в их пользовании в полную собственность. Вопрос этот был особенно сложным из-за тяжелейших социальных потрясений, вызванных Первой русской революцией и нерешенным земельным вопросом по отношению к крестьянству. Поэтому перед тем как подписать приказ о передаче Оренбургскому, Уральскому и Астраханскому казачьим войскам земель в полную собственность император отправил письма в различные министерства, для того чтобы собрать полное представление по этому вопросу.

Все министерства отмечали неоценимый вклад казачества в защиту государства, но в условиях сложного социального положения министр внутренних дел считал несвоевременным подписание этого указа. Во-первых, из-за того, что не был решен вопрос об устройстве быта малоземельных и безземельных крестьян внутренних губерний. Во-вторых, закрепление за тремя войсками земель может повлечь за собой такое же ходатайство и других казачьих войск, а в них отношения казаков с соседним населением гражданского ведомства еще не было урегулировано. В-третьих, ни каких выгод казаки от этого указа не приобретали, т.к. они и так по существу владели землей без каких-либо ограничений [24, л. 6 об].

Министр финансов подтверждал возможность подписания этого указа, но с формальной стороны, не меняя сложившихся отношений в земельном праве.

Военный министр предлагал передать землю не в полную собственность, а вечное владение. Вызвано это предложение было тем, что у правительства была возможность, в крайнем случае, отчуждать земли казачьих войск без согласования с войсковым начальством. В случае признания за войском права полной собственности этого уже делать было невозможно [24, л. 15 об].

Не смотря на все оговорки Совет министров, подчеркивая значение казачьих войск в войнах и подавлении беспорядков внутри империи, одобряет этот указ и 6 апреля 1906 г. он был подписан императором.

Таким образом, передача земли в собственность казачьим войскам имела политические цели и носила формальный характер, т.к. не вносила ни каких изменений в землепользование и ни каких выгод казакам не несла.

Тем не менее, военное министерство с «чрезвычайной заботливостью» относилось к разрешению всех земельных вопросов в казачьих войсках [25, л. 13]. Обусловлено это было особым положением казачества. Военное министерство признавало, что казаки обладали достаточно большим надел земли (в ОКВ около 30 дес. на казака), но в отличие от крестьянина, они должны были с этой земли, не только составлять свой экономический быт, но и снаряжаться на службу.

Поэтому, когда в Российской империи был введен закон от 20 мая 1902 г. «об устройстве канав и других водопроводных сооружений на чужих землях для осушительных, оросительных и обводнительных полей», который предполагал изъятие земель под эти нужды, он не был введен в Оренбургском и Астраханском казачьем войске. Вызвано это было тем, что по закону земли могли быть изъяты только по решению Совета Главноуправляющего Землеустройства и Земледелия. По мнению Военного министра, это могло вызвать недовольство казаков и повлиять на их экономическое благосостояние. Вследствие этого Военный совет 1 марта 1908 г. внес в закон изменение, по которому земли казачьих войск могли быть изъяты только по совещанию с Военным министром [25, л. 13]. По мнению правительства, это позволяло защитить исключительное право казаков на землю.

В условиях же начавшейся Первой мировой войны в 1914 г. был принят закон, по которому государство получало право изымать для своих нужд имущество и землю. Для их изъятия создавались специальные оценочные комиссии, казачье население в которых представительства была лишена. Исправить данную несправедливость должен был закон о принудительном изъятии казачьих войсковых земель. Проект, его был предложен в 1916 г., по которому в состав комиссии, назначенных для оценки, отчуждаемых из ведения казачьих войск, включались представители от войск, по назначению войскового начальства [26, л. 6 об].

К тому же, нельзя говорить, что правительство не предпринимало ни каких действий по улучшению земельного положения казаков. В 1901 г. ГУКВ представило в Военный совет проект временных правил для скупки частновладельческих земель в запасные земли казачьих войск, а также выдачи ссуд из вой-

сковых капиталов отдельным казакам и обществам на покупку земли, как это было предусмотрено для крестьянского сословия. За основу правил о выдачи ссуд был взят устав Крестьянского поземельного банка, с той только разницей, что покупка земли ставилась под жесткий контроль войскового начальства, но предусматривались определенные выгоды для казаков [27, л. 5].

Перед реализацией данного положения ГУКВ отправило проект закона в разные казачьи войска, для того чтобы узнать их мнения. Практически все казачьи войска высказались против, мотивируя это различными причинами. ОКВ, в частности, отмечало сравнительную обеспеченность землей войскового населения и неудовлетворительное состояние войскового капитала, из которого войско уже выделяет по 50000 руб. в год на скупку частновладельческих земель в войсковой запас. Выделять же ссуды на покупку земель для казаков и станичных обществ из войскового капитала войсковое начальство находило невозможным [27, л. 2 об].

Военный совет не соглашался с доводами войскового начальства ОКВ, как и с доводами большинства казачьих войск. Признавая желательным введение ссуд для ликвидации чрезполосности в станицах и улучшения паевых наделов, тем не менее, это положение было введено лишь в Кубанском и Астраханском казачьих войсках, которые высказались положительно по этому вопросу.

Таким образом, не смотря на всю лояльность казачьих войск к правительству, войсковое начальство не всегда поддерживало законодательные инициативы, приходящие сверху.

Еще одним фактом закоренелости казачьего управления является случай, произошедший в 1913 г. Сорок членов Государственной Думы выступили с предложением отменить правила «о праве войскового начальства казачьих войск налагать на не служащих казаков особые взыскания в виде командировок вне очереди на службу и выселении на жительство в отдаленные станицы» (приняты в 1894 и 1896 гг.). Вызвана эта инициатива была тем, что правила не соответствовали юридическому законодательству и даже не входили в СЗРИ. Согласно закону, за проступки должны были наказывать по гражданскому суду, однако эти два правила давали возможность войсковому начальству применять внесудебные меры.

Военное министерство, сделав запрос по казачьим войскам, получило ответ о нежелательности отмены этих «правил», т.к. они позволяют создать «чинопочитание в казачьей среде в мирное время, для того чтобы в строевое казаки были наиболее подготовленными» [28, л. 3]. К тому же эта мера использовалась крайне редко, и о каждом случае доводилось до Военного министра. С этими доводами Военное министерство согласилось, а правила так и не были отменены.

Таким образом, казачество на рубеже веков, как элемент традиционности в империи, по мнению некоторых историков, изживало себя, и уже не вписывалось в социальную структуру российского общества [29, с. 174]. Однако с этим нельзя в полной мере согласиться. Казачество было четко включено в структуру государственного управления, причем органы

управления казачьих войск считались правительственными учреждениями [30, л. 4]. Положение же казаков по сравнению с другими жителями империи нельзя назвать хуже, а в некоторых отношениях было и значительно лучше. Так же нельзя не отметить особую роль в военном деле, которое предусматривало государство для казачества, что опять же не раз подтверждалось в официальной переписке.

Так же тезис о том, что у государства не было четкого плана по реформированию казачества [6, с. 356], не вполне отвечает фактам. Казачество реформировалось согласно общей идеей модернизационных процессов, проходивших в Российской империи. Вот только применить их по шаблону не было возможности. Вызвано это было несколькими причинами: особой системой управления, ролью казачества внутри империи, традиционным укладом жизни казаков. Поэтому каждая реформа имела свои особенности, а некоторые так и не были реализованы, что перед самым началом Первой мировой войны и отличало казачьи регионы от остальной части империи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Банникова Е.В. Модернизация и эволюция: подходы к изучению повседневной жизни дореформенного провинциального купечества уральских губерний // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурологи и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 6(12): в 3-х ч. Ч. II. С. 16–20.
2. Побережников И.В. Модернизация: теоретико-методологические подходы // Экономическая история: образование / под ред. Л.И. Бородкина. М., 2002. Вып. 8. С. 146–168.
3. Россия в XVII – начале XX в.: региональные аспекты модернизации. Екатеринбург: УрО РАН, 2006. 342 с.
4. Любичанковский С.В. Региональное бюрократическое сообщество в условиях модернизации государственного аппарата позднеимперской России (на примере тюремных преобразований в Оренбургской губернии в 1890-х гг.) // Клио. Журнал для ученых. 2011. № 9. С. 66–69.
5. Отчет Главного управления иррегулярных войск за 1874 г. СПб. 1875. 68 с.
6. Ганин А.В. Накануне катастрофы. Оренбургское казачье войско в конце XIX–XX вв. (1891–1917 гг.). М.: ЗАО Центрполиграф, 2008. 686 с.
7. Отчет казачьего отдела Главного штаба за 1910 г. СПб. 1911. 144 с.
8. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1276. Оп. 4. Д. 552.
9. Российская национальная библиотека. Журнал временной комиссии, образованной с Высочайшего

соизволения, при Главном управлении казачьих войск, для обсуждения вопросов об уменьшении тягости воинской повинности в действующих и льготных частях казачьих войск. СПб., 1901. 10 с.

10. РГИА. Ф. 1276. Оп. 9. Д. 514.
11. РГИА. Ф. 1276. Оп. 9. Д. 515.
12. РГИА. Ф. 1276. Оп. 9. Д. 535.
13. Ризванова Т.Р. Социально-экономические причины распространения эпидемий на Южном Урале в конце XIX – начале XX в. // Вестник Челябинского государственного университета. № 28 (166). История. Вып. 34. 2009. С. 81–85.
14. Шляхтина Н.С. Борьба с эпидемиями и профилактика заболеваемости на территории Южного Урала // Альманах современной науки и образования Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (51).
15. Каган И.И. К истории здравоохранения и медицины г. Оренбурга в XIX и XX вв. // Оренбургский медицинский вестник. Т. II № 2(6), 2014. С. 66–68.
16. Никитина А.В. Становление и развитие земской медицины в Уфимской губернии в последней четверти XIX – начале XX вв.: автореф. ... канд. ист. наук. Уфа, 2009. 32 с.
17. Морозова Е.В., Созинов А.С. Основные направления развития земского здравоохранения в Казанской губернии в XIX веке // Казанский медицинский журнал. Вып. № 1. Т. 95. 2014. С. 124–127.
18. Отчет о состоянии Оренбургского казачьего войска за 1908 г. Часть гражданская. Оренбург, 1909. 110 с.
19. Салимова Э.А. Земская медицина в Казанской губернии в пореформенный период // Вестник ТГГПУ. № 1(8). 2007. С. 1–8.
20. Махрова Т.К. Самоуправление в Оренбургском казачьем войске // Вестник ЧелГУ. № 1. 2005. С. 56–69.
21. Миронов Б.Н. История в цифрах. Л.: Наука, 1991. 165 с.
22. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 400. Оп. 25. Д. 14146.
23. Оренбургский казачий вестник. Независимый внепартийный республиканский орган свободного казачества. Оренбург: изд. Оренбургской войсковой управы. № 10 от 21 июля 1917.
24. РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 371.
25. РГИА. Ф. 1276. Оп. 5. Д. 461.
26. РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1215 б.
27. РГИА. Ф. 1276. Оп. 3. Д. 490.
28. РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 655.
29. Кобзов В.С., Шадрин В.М. Не славы ради. Оренбургское казачество в государственно-правовой системе Российской Империи. М., 2003. 243 с.
30. РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1158.

FEATURES OF THE MODERNIZATION OF THE ORENBURG COSSACK ARMY IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES

© 2016

A.V. Meshcheryakov, pedagogue of additional education
Children's Art Centre of Industrial District of Orenburg, Orenburg (Russia)

Abstract. This article describes the features of the modernization of the Orenburg Cossack troops at the turn of XIX–XX centuries. During the consideration of this issue highlights the main problems that affect the modernization in the army. These concerned the difficult economic situation, which arose due to the provision of medical problems.

Another important issue discussed in the article – is the introduction of zemstvo. Considered the most important question of the transfer of land in perpetuity Cossack troops, the right, which confirmed the special position of the Cossacks in the government system, but once again confirmed in the tradition of modernization development. The study confirmed that the Orenburg Cossack army at the turn of the century, was clearly included in the governance structure, and Cossack troops controls were considered government agencies. Cossacks reformed according to the general idea of the modernization process took place in the Russian Empire. However, they are not used for the template, and had its own peculiarities. It is caused by several factors were: a special control system, the role of the Cossacks in the empire, the traditional way of life of the Cossacks. Therefore, each reform had its own characteristics, and some have not been implemented, that before the outbreak of the First World War and distinguished Cossack regions from the rest of the empire.

Keywords: modernization approach; Orenburg Cossack army; Orenburg Province; total capital of the military; General Directorate of Cossack troops; control system; Military Council; Ministry of War; Council of State; district council; governor-general; ataman.

УДК 94(47).083

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ЧИНОВНИКОВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ «ВЕСТНИКА ЧИНОВНИКА»)

© 2016

А.А. Оспанова, аспирант кафедры истории России

Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург (Россия)

Аннотация. В данной статье обосновывается необходимость изучения исторического опыта управленческой организации Российской империи. В статье содержится анализ современной историографической ситуации, особенность которой заключается в том, что необходимо изучать не только степень эффективности механизмов власти, но и факторы, влияющие на нее. Среди таких факторов важное место занимает повседневность служащих чиновников, их быт, материальная обеспеченность, образ жизни. История повседневности – это новая отрасль исторического знания, предметом изучения которой является сфера человеческой обыденности во множественных историко-культурных, политико-событийных и религиозно-конфессиональных контекстах. В центре внимания истории повседневности исследование повторяющегося, «нормального» и привычного, конструирующего стиль и образ жизни у представителей разных социальных слоев, включая эмоциональные реакции на происходящие события и мотивы поведения. Одним из главных источников данного исследования выступает периодическое издание «Вестник чиновника», которое позволяет понять образ жизни чиновников «изнутри». Анализ данного издания позволяет сделать выводы об ограниченности жалования, недостаточности материального обеспечения, что отразилось на количестве должностных преступлений служащих. Полученные результаты могут служить основой для дальнейшего изучения факторов, влияющих на эффективность государственного управления и для исследования повседневности чиновников регионального уровня.

Ключевые слова: чиновничество; история повседневности; материальное обеспечение; жалование; «Вестник чиновника»; механизмы власти; Российская империя; опыт управленческой организации; степень эффективности механизмов власти; государственная служба; бумажная волокита.

В условиях системных преобразований в стране и глубокой потребности в оптимизации управленческой деятельности, интерес к истории государственного управления в России заметно усилился. Сегодняшнее общество заинтересовано в осмыслении накопленного опыта государственного строительства. Важной составной частью аппарата государственного управления в последние десятилетия существования Российской империи являлась система губернаторской власти, в которой каждый элемент структуры имел определенное функциональное назначение. Исторический опыт управленческой организации Российской империи, в арсенале которой были механизмы, обеспечившие ей стабильное двухсотлетнее существование, представляет несомненный интерес в условиях современной федеративной формы государственного устройства страны.

Анализ последних публикаций и исследований по истории государственного управления, а также знакомство с публикациями западных ученых позволяют сделать выводы о том, что историки стали осваивать

новые подходы и концепции, уделяя внимание не только механизмам функционирования того или иного государственного органа, но и профессиональным, социокультурным и личностным характеристикам служащих. В последнее десятилетие вышла серия статей историко-антропологической направленности, посвященных российскому чиновничеству XVIII – первой половины XIX в. Их авторы – Л.Ф. Писарькова [1], О.В. Морякова [2], Е.Н. Мухина [3] – предприняли попытки охарактеризовать жизненный мир государственных служащих дореформенного периода, обратившись к исследованию их быта, нравов, корпоративных отношений. Особенности сознания российских чиновников, специфика восприятия их населением в XVIII–XIX вв. оказались затронуты в публикациях А.А. Твердохлеб, В.В. Шевырина [4], Т. Борисенок [5]. Кроме того, некоторые вопросы, касающиеся госслужащих, затронуты в работах о русской культуре XVIII–XIX вв., написанных В.С. Поликарповым [6], Ю.М. Лотманом [7] и др. Применяя современную методологию, ряд ученых предложили